

Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте

Шалагинова К.С.*,

ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия,
shalaginvaksenija99@yandex.ru

Куликова Т.И.**,

ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия,
tativkul@gmail.com

Зальгаева С.А.***,

ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия,
cherkasova81@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования гендерных особенностей буллинга в подростковом возрасте, в котором приняли участие 69 подростков школ г. Тулы и Тульской области в возрасте 13—14 лет. Отмечается, что анализ зарубежных и российских психологических исследований по проблеме школьного буллинга позволяет выделить гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте: различия в формах проявления у мальчиков и девочек; буллинг подростков-мальчиков в большей степени связан с борьбой за власть; буллинг подростков-девочек более психологизирован и эмоционально разрушителен. Выделена необходимость определения гендерной специфики проявления школьной травли в этом возрасте через организацию и проведение специального исследования. Для достижения цели исследования был использован следующий психологический инструментарий: опросник Басса-Дарки, тест-опросник «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас), методика самооценки психических состояний (Г. Айзенк), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В.В. Бойко), тест «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев). Установление тесноты связи между показателями «пол/тип поведения в конфликте» и «пол/тип агрессии» обеспечивалось статистической обработкой данных с применением коэффи-

Для цитаты:

Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Зальгаева С.А. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 62—71. doi: 10.17759/pse.2019240405

* Шалагинова Ксения Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия. E-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru

** Куликова Татьяна Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия. E-mail: tativkul@gmail.com

*** Зальгаева Светлана Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия. E-mail: cherkasova81@mail.ru

циента ранговой корреляции Спирмена; критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона и коэффициента сопряженности V Крамера. Полученные в исследовании эмпирические данные подтверждают целесообразность учета гендерных особенностей при планировании работы психолога по предотвращению и минимизации риска школьной травли.

Ключевые слова: буллинг, гендерные особенности, подростки, профилактика школьного насилия.

Проблема буллинга в подростковой среде не теряет своей актуальности уже много лет. С насилием в школе по результатам различных исследований сталкиваются постоянно или эпизодически порядка трети учеников. Практика показывает, что данные формы насилия носят преимущественно вербальный характер: крики, унижительные замечания, оскорбления, издевательства, «злые» шутки, задевающие честь и достоинство. Между тем, четверть современных детей сталкиваются с физическим насилием, угрозами физической расправы [12].

Российские специалисты, занимающиеся проблематикой школьной травли (Л.С. Алексеева, А.А. Бочавер, И.С. Бердышев, О.Л. Глазман, С.В. Кривцова, Д.А. Кутузова, В.Р. Петросянц и др.), обращают внимание на явно заниженный характер указанных цифр. Обозначенная проблема неоднозначна. С одной стороны, следует признать, что тема жестокости вообще, и в детском возрасте в частности, была и остается одной из древнейших. Насилие издавна считается самым примитивным и быстрым способом решения проблем, «скорого» получения желаемого результата [2].

Термин «буллинг» появился в научной литературе лишь в начале 90-х годов прошлого столетия. Изначально для обозначения систематической травли одного человека группой людей использовался термин «моббинг» [7], который впервые был применен шведским врачом П.-П. Хайнеманном, проводившим исследования группового поведения детей в ученической среде, проявляющегося в грубых и жестоких формах.

Однако значительный интерес у зарубежных психологов к феномену «школьной травли» (school bullying) был вызван после публикации книги «Aggression in the schools.

Bullies and whipping boys» в 1978 году норвежским исследователем Д. Ольвеусом. Таким образом, Д. Ольвеус сделал явление буллинга видимым, признаваемым, что позволило включить его в область психологической науки [16]. Эта тема быстро стала трендом мировой психологии, а исследования в области феноменологии и технологий профилактики и прекращения буллинга стали стремительно развиваться.

Спустя десятилетие феномен буллинга достаточно подробно был освещен в работе британского исследователя Д. Лэйна. Автор сделал акцент на структуре этого процесса и факторах, способствующих его проявлению. В одной из своих работ Д. Лэйна дал определение буллинга, ставшее классическим: «буллинг — это сложный процесс, в котором есть жертвы, преследователи, взаимодействие между ними, а также позиция по отношению к происходящему взрослых и школы» [10].

Вплоть до 1990-х гг. такие исследования проводились в основном западными учеными (Heinemann, Olweus, Leymann, Pikas, Roland, Orton, Tattum, Lane, Sparksetal), предпринимавшими попытки привлечь к проблеме школьной травли внимание общественности. Позднее были представлены экспериментальные данные с характеристикой проявления буллинга, психологических особенностей жертв и зачинщиков, описаны общепринятые в разных странах подходы к решению данной проблемы.

Проблема насилия в отечественной теории и практике долгое время не рассматривалась вообще, либо интерпретировалась как индикатор «единичного» социального неблагополучия (неполная семья, «незлитная школа», временные трудности). В настоящее время признан факт того, что жестокость и насилие имеют место во всех слоях и кате-

горяих населения, независимо от материальных, классовых, расовых, культурных, религиозных, социально-экономических и др. аспектов.

В своей работе мы разделяем положение С.В. Кривцовой, согласно которому буллинг следует признать «агрессию одних детей против других, при условии, что имеют место превосходство агрессора над жертвой, тенденция повторяемости актов насилия, при этом ответ жертвы показывает, как сильно она задета происходящим» [6, с. 3].

Мотивами буллинга могут быть месть, конкуренция, соперничество и просто личная неприязнь к объекту травли. В качестве причины травли может стать потребность во власти, превосходстве, удовлетворение от причинения вреда и страдания другим.

Одной из причин травли, по мнению Д.А. Кутузовой, является «необычность ребенка», его исключительность или отличие «от принятых в группе стандартов» [8; 9]. Автор считает, что для возникновения ситуации травли достаточно даже одного ученика в школе, желающего самоутвердиться за счет унижения других.

Российскими учеными выявлены «сенситивные, то есть наиболее чувствительные к насилию периоды жизни и развития ребенка, связанные с происходящими анатомо-физиологическими, гормональными, эмоционально-личностными и психосоциальными изменениями, которые делают его наиболее уязвимым и драматизируемым. Таким периодом, прежде всего, считается подростковый возраст» [1, с. 13—14].

На основе данных зарубежных исследователей А.А. Бочавер и К.Д. Хломов констатируют, что прямой травле подвергаются в основном учащиеся младшей школы, тогда как в средней и старшей школе в большей степени наблюдается косвенная травля. Также установлено, что мальчики больше девочек склоняются участвовать в травле в разных ролях (жертва, преследователь, свидетель), и в то же время мальчики сами чаще становятся жертвами физической травли — у них отбирают деньги и портят вещи, им угрожают и заставляют их что-то делать. Девочки чаще

всего становятся жертвами сплетен, непристойных высказываний и жестов со стороны буллеров [3].

Анализируя статистические данные в отношении жертв буллинга, полученные Ольеусом, С.В. Кривцова приходит к выводу о том, что явных гендерных отличий жертв буллинга не существует — и мальчики, и девочки примерно в равной степени подвергаются травле [7]. Материалы кросскультурного исследования, проведенного В.С. Собкиным и М.М. Смысловой, свидетельствуют о том, что мальчики реже девочек отмечают, что им не приходилось сталкиваться с психическим или физическим насилием. При этом мальчики чаще девочек указывают на факты эпизодического психического или физического насилия [13, с. 76].

В то же время обнаружены достаточно значимые полоспецифические отличия у буллеров. Так, девочки в большей степени склонны к косвенному буллингу, или нарушению отношений привязанности, а это затрудняет их идентификацию в качестве буллеров. Зачастую они в своем самовосприятии не считают себя таковыми. Ученые считают, что говорить о более точном количестве буллеров-девочек не представляется возможным, т.к. «скрытые» буллеры не выявляются существующими на сегодняшний день опросниками [7, с. 102].

Индивидуально-психологические особенности участников буллинга могут различаться в зависимости от роли или позиции в ситуации травли. Многие авторы говорят о том, что существуют внутренние предпосылки, которые способствуют тому, что ребенок наиболее активно осваивает определенную из этих ролей. Так, жертвы буллинга характеризуются «снижением самоуважения, аутосимпатии, самопринятия и повышением самообвинения; наличием выраженных проблемных переживаний в области собственной личности, школы, сверстников, родительского дома, будущего; ... неприятием себя и других, эмоциональным дискомфортом, уходом в себя и ожиданием внешнего контроля; ... относительно высокими показателями враждебности; высокими показателями эмоциональности и

снижением личностной нервно-психической устойчивости; склонностью к повышенной напряженности» [11]. Как правило, жертвы чувствительны, тревожны, плаксивы, физически слабы, они отличаются низкой самооценкой, а после факта травли или насилия склонны испытывать стыд и неуверенность в себе и полагают, что заслужили свои страдания. Невольные свидетели, или «наблюдатели» происходящего, ощущают собственное бессилие, их самооценка, так же как и у жертв, заметно снижается [10].

Свидетели травли ощущают небезопасность среды, переживают страх, беспомощность, стыд за свое бездействие и в то же время желание присоединиться к агрессору, а иногда удовлетворение от мысли «хорошо, что это происходит не со мной». Если травля не прекращается, у свидетелей слабеет способность к эмпатии [3].

У буллеров возникают проблемы с развитием эмпатии по отношению к другим, они получают удовольствие от власти и высокого статуса по сравнению с жертвой. У агрессоров высока вероятность криминального будущего. Эти особенности могут быть как следствиями травли, так и ее предпосылками, своеобразными «сигналами» другим детям о том, что ребенка легко сделать жертвой [4].

Анализ работ зарубежных и отечественных ученых позволяет выделить два типа буллинга: непосредственный физический и косвенный, который иначе называют социальной агрессией. При этом прямой физический буллинг наиболее характерен для мальчиков, а косвенный и социальная депривация — для девочек. Мальчики значительно чаще принимают участие в буллинге, нежели девочки [4]. Для мальчиков травля чаще всего является частью социального взаимодействия, связанного с борьбой за власть, в то время как для девочек источником агрессивных действий чаще всего являются отношения привязанности [10].

На основе проведенного теоретического обзора исследований феномена школьной травли можно выделить следующие гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте: различия в формах проявления у

мальчиков и девочек; буллинг подростков-мальчиков в большей степени связан с борьбой за власть; буллинг подростков-девочек более психологизирован, эмоционально разрушителен.

Все вышеизложенное определило цель нашего исследования — выявление гендерных особенностей буллинга в подростковом возрасте и определение на их основе направлений работы психолога по предотвращению и минимизации риска школьной травли.

Методика исследования

Опираясь на работы Д. Ольвеуса [17], согласно которым именно в 10—14 лет особенно ярко прослеживается разница полов, а девочки в своем психическом и физическом развитии превосходят мальчиков, мы считаем целесообразным подвергнуть более детальному анализу гендерную специфику проявления школьной травли в этом возрасте. Эмпирическую базу исследования составили 69 подростков в возрасте 13—14 лет школ г. Тулы и Тульской области (39 девочек и 30 мальчиков). Были использованы следующие методики: опросник Басса-Дарки, тест-опросник «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас), методика самооценки психических состояний (Г. Айзенк), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В.В. Бойко), тест «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев).

Статистическая обработка данных проводилась с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона и коэффициента сопряженности V Крамера. Данные расчеты выполнены с помощью программы SPSS Statistics 17.0.

Результаты исследования и их интерпретация

На основе анализа результатов проведенного исследования была определена «группа риска» подростков, склонных как к поведению буллера, так и «жертвы» по таким критериям, как уровни эмпатии, толерантности и агрессии, а также стратегии поведения в конфликте. В «группу риска»

из выборки подростков вошли учащиеся, у которых выявлен заниженный уровень эмпатии (33% респондентов), низкий уровень толерантности (27%) и повышенный уровень агрессивности (34%). Из числа подростков данной подвыборки 34% респондентов предпочитают в конфликте стратегию соперничества. Подростки данной категории испытывают затруднения в установлении контактов со сверстниками, неприятие и непонимание индивидуальных особенностей других людей, они используют себя в качестве эталона при оценке поведения и образа других людей. Подростков «группы риска» отличает грубость, резкость, вспыльчивость, неумение прощать другим ошибки, категоричность, неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства по отношению к поведению сверстников, стремление при помощи агрессии, часто физической, отреагировать данные эмоции. Такие подростки могут проявлять себя либо в роли буллера, либо «жертвы», так как неадекватное проявление агрессии, отсутствие понимания и принятия в ситуациях коммуникации между сверстниками делает их мишенями ответной агрессии. Проведенный корреляционный анализ наглядно показывает взаимосвязь высокого уровня агрессии и низкого уровня эмпатии, низкого уровня толерантности и использование стратегии соперничества в конфликте. Коэффициент корреляции между параметрами «уровень агрессивности» (**Ag**) и «уровень эмпатии» (**Em**), «уровень толерантности» (**T**) и «соперничество» (**Rs**) выявил наличие сильных прямых корреляционных связей (соответственно, $r=0,71$; $r=0,67$ и $r=0,73$ при $p \leq 0,05$). С данными подростками необходимо проводить специальную коррекционную работу по профилактике агрессивного поведения и явления буллинга, развивающую работу по формированию позитивного взаимодействия со сверстниками и адекватных стратегий поведения в конфликте.

Гендерный анализ результатов исследования показал, что уровни эмпатии девочек и мальчиков несущественно различаются между собой, средние значения показателей равны 25,9 и 20,9 соответственно. Коэффициент

корреляции между уровнем эмпатии и полом испытуемых показал наличие слабой корреляционной связи ($r=0,366$ при $p \leq 0,05$). Существует различие средних значений показателей уровня толерантности девочек и мальчиков — 87,8 и 58,0 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем толерантности и полом испытуемых показал наличие средней корреляционной связи ($r=0,512$ при $p \leq 0,01$). Существует различие средних значений показателей уровня агрессивности девочек и мальчиков — 21,8 и 28,1 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем агрессивности и полом испытуемых показал наличие слабой обратной корреляционной связи ($r=-0,493$ при $p \leq 0,01$). Полученные нами результаты подтверждают данные ранее проведенного лонгитюдного исследования социально-психологических аспектов буллинга. Учеными выявлены межполовые различия в агрессивном поведении девочек и мальчиков подросткового возраста [14, с. 109].

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «тип поведения в конфликте: соперничество, приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество» использовались критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона и уточняющий коэффициент сопряженности V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); соперничество (1); приспособление (2); избегание (3); компромисс (4); сотрудничество (5). Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы SPSS Statistics 17.0. Были получены следующие данные: $\chi^2=7,37$ при $p=0,118$. Число степеней свободы =4. Критическое значение критерия хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p=0,05$ и числе степеней свободы 4 составило 9,49. Сравнивая полученное значение критерия хи-квадрат с критическим ($7,37 < 9,49$), был сделан вывод, что зависимость частоты случаев «пол» и «поведение в конфликте» — статистически не значима, что вполне возможно из-за небольшого объема выборки. Поэтому с целью оценки силы взаимосвязи использовался уточняющий симметрический критерий

рий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера=0,468, что говорит о наличии в выборке некоторых умеренных корреляционных связей. Анализируя данные таблицы сопряженности (табл. 1), следует выделить наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи между: полом «девочки» и типом поведения в конфликте «соперничество»; полом «мальчики» и типом поведения в конфликте «компромисс».

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «преобладающий тип агрессии: физическая, косвенная, вербальная, не выявлено» использовались критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона и уточняющий коэффициент сопряженности V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); физическая (1); косвенная (2); вербальная (3); не выявлено (4). Были получены следующие данные: $\chi^2=13,99$ при $p=0,01$. Число степеней свободы =3. Критическое значение критерия хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p=0,01$ и числе степеней свободы 3 составило 11,3. Сравнивая полученное значение критерия хи-квадрат с критическим (13,99 > 11,3), был сделан вывод, что зависимость частоты случаев «пол» и «преобладающий тип агрессии» — статистически значима. С целью оценки силы взаимосвязи

использовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера=0,661 при $p=0,003$, что говорит о наличии в выборке средних корреляционных связей. Анализируя данные таблицы сопряженности (табл. 2), следует выделить наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи между: полом «мальчики» и типом агрессии «физическая»; полом «девочки» и типами агрессии «косвенная», «вербальная».

Делая выводы по определению гендерных особенностей буллинга в подростковом возрасте, можно отметить, что для девочек-подростков более характерна косвенная и вербальная агрессия, которая в поведении буллера представлена проявлением сарказма, распространением сплетен, высмеивающим поведением, порчей вещей «жертвы». В конфликте для девочек характерны различные типы поведения, в числе которых преобладает соперничество. Но, в отличие от мальчиков, девочки делают это не с помощью прямой физической агрессии, а действуют через других лиц (тех же мальчиков) или косвенно воздействуют на соперников, проявляя социальную агрессию. Уровень толерантности у девочек-подростков выше, чем у мальчиков, что в целом не противоречит исследованиям возрастной психологии, однако часто в си-

Таблица 1

Показатели сопряженности «пол/тип поведения в конфликте»

Частота ответов		Поведение в конфликте					Итого
		Соперничество	Приспособление	Избегание	Компромисс	Сотрудничество	
Пол	Мальчики	2	3	2	5	2	14
	Девочки	9	1	4	2	2	18
Итого		11	4	6	7	4	32

Таблица 2

Показатели сопряженности «пол/тип агрессии»

Частота ответов		Тип агрессии				Итого
		Физическая	Косвенная	Вербальная	Не выявлено	
Пол	Мальчики	5	0	0	9	14
	Девочки	1	5	6	6	18
Итого		6	5	6	15	32

туациях школьной травли коммуникативная толерантность не проявляется, что говорит о том, что толерантность еще не стала чертой личности. Как показывает наблюдение, девочки-подростки более склонны к манипуляциям и созданию ситуаций травли, при этом лично не всегда в них участвуют. Можно сказать, что девочки-подростки чаще являются «скрытыми» буллерами.

Мальчиков-подростков отличает прямая физическая агрессия в отношении сверстников, более низкий, по сравнению с девочками, уровень толерантности, незначительные отличия в уровне эмпатии и стремление находить компромисс в конфликтных ситуациях. Мальчики-подростки буллеры склонны действовать более открыто, показывая свою агрессию в ситуациях школьной травли, преследуя «жертву» лично, а не через посредников. Они менее чувствительны к индивидуальным особенностям других и не учитывают их при общении, редко соглашаются с мнением сверстников, если оно отличается от их собственного.

Опираясь на опыт зарубежных авторов [15; 18; 19; 20] и результаты полученных данных по выборке, были определены основные мишени и направления работы психолога по предотвращению и минимизации риска школьной травли с учетом гендерных особенностей подростков.

В работе с мальчиками-подростками необходимо формировать навыки адекватного и безопасного выражения гнева; учить подростков понимать психологическую сущность агрессии, ее специфику, особенности; оптимизировать взаимодействие подростков в коллективе, повысить уровень эмпатии и толерантности; способствовать «раскрепощению» эмоциональной сферы. При организации занятий с мальчиками-подростками особое внимание следует уделять их двигательной активности. Мальчики по своей природе менее сдержанны и не способны контролировать свое поведение с таким же успехом, как девочки.

Девочки подросткового возраста иногда отличаются своей нерешительностью. При проведении профилактической работы сле-

дует создавать для девочек ситуации успеха. В работе с девочками-подростками акцент делается на развитии способности понимать свои чувства, осознавать негативные эмоции, уметь адекватно проявлять и сдерживать негативные эмоции в отношении других людей; стремиться к снижению уровня вербальной, косвенной агрессии, повышению уровня эмпатии, формированию навыков конструктивного решения конфликтных ситуаций [5].

Заключение

В результате теоретического обзора зарубежных и отечественных исследований феномена школьного буллинга было установлено, что для понимания проблемы и ее причин следует учитывать различные факторы, в первую очередь, гендерные особенности участников, характеризующие тип и формы травли. Проведенное нами исследование позволило выявить так называемые «группы риска» как с позиции потенциальных жертв, так и возможных инициаторов травли.

Установлено, что уровни эмпатии девочек и мальчиков несущественно отличаются между собой, но при этом существует различие в показателях уровня толерантности: у девочек уровень толерантности гораздо выше, чем у мальчиков. Уровень агрессивности, напротив, гораздо выше у мальчиков, чем у девочек. При этом девочки в большей степени ориентированы на соперничество, предпочитая косвенную и вербальную агрессию, тогда как мальчики, прибегая к физической агрессии, склонны к компромиссу.

Таким образом, и мальчики, и девочки в подростковом возрасте одинаково склонны к проявлению буллинга, отличия будут заключаться лишь в содержательных характеристиках такого поведения, т.е. в том, каким образом будет проявляться буллинг (косвенно или прямо), какой вид агрессии будет применен (физический или психологический).

Анализ результатов проведенного исследования позволяет говорить о целесообразности учета гендерных особенностей при планировании работы психолога по предотвращению и минимизации риска школьной травли.

Литература

1. *Алексеева Л.С.* Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. М.: Национальный книжный центр «Сентябрь», 2016. 180 с.
2. *Бердышев И.С.* Лекарство против ненависти // Первое сентября. 2005. № 18. С. 3.
3. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149—159.
4. *Глазман О.Л.* Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 159—165.
5. *Гребенкин Е.В.* Профилактика агрессии и насилия в школе. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 157 с.
6. *Кривцова С.В.* Буллинг в школе VS сплоченность неравнодушных. Организационная культура ОУ для решения проблем дисциплины и противостояния насилию. М.: Норма, 2011. 95 с.
7. *Кривцова С.В., Шапкина А.Н., Белевич А.А.* Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия. Образовательная политика. 2016. № 3 (73). С. 97—119.
8. *Кутузова Д.А.* Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Психология и школа. 2006. № 4. С. 54—72.
9. *Кутузова Д.А.* Травля в школе. Мифы и реальность [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://medportal.ru/budzdorova/child/625/> (дата обращения: 20.03.2019).
10. *Лэйн Д.* Школьная травля (буллинг). Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Дэвида Лейна и Эндрю Миллера. СПб.: Питер, 2001. С. 240—274.
11. *Петросянец В.А.* Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде [Электронный ресурс] // Эмиссия. Электронный научный журнал. 2010. URL: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (дата обращения: 20.03.2019).
12. *Собкин В.С., Маркина О.С.* Влияние опыта переживаний «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестник практической психологии образования. 2009. № 1. С. 48—57.
13. *Собкин В.С., Смыслова М.М.* Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 71—86.
14. *Тарасова С.Ю., Осницкий А.К., Еникополов С.Н.* Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 4. С. 102—116. doi: 10.17759/psyedu.2016080411
15. *Arora C.M. J.* Measuring bullying with the «Life in School» checklist // Pastoral Care in Education. 1994. № 12. P. 11—15.
16. *Olweus D.* Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington: Hemisphere Publishing Corporation, 1978.
17. *Olweus D.* Aggressors and their victims: bullying at school. Disruptive behaviours in schools / In H. Gault (ed.). New York: Wiley, 1984. P. 57—76.
18. *Olweus D., Catalano R., Jungert J., Slee P., Smith P.K.* The nature of school bullying: a crossnational perspective. London, UK: Routledge, 1999. P. 141—145.
19. *Roffey S.* Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice // Educational and Child Psychology. 2000. № 17 (1). P. 6—19.
20. *Schäfer M.* Gruppenszwangals Ursachefür Bullying? // Report Psychologie. 1998. P. 914—927.

Gender Features of Bullying in Adolescence

Shalaginova K.S.*,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia,
shalaginvaksenija99@yandex.ru*

Kulikova T.I.**,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia,
tativkul@gmail.com*

Zalygaeva S.A.***,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia,
cherkasova81@mail.ru*

The article presents the results of an empirical study of gender characteristics of bullying in adolescence. The study involved 69 adolescents of schools in the city of Tula and the Tula region, aged 13-14 years. The analysis of foreign and Russian psychological studies on the problem of school bullying made it possible to identify the following gender characteristics of bullying in adolescence: forms of bullying are different in boys and girls; in teenage boys, bullying is more related to power struggles; as for teenage girls, bullying is more psychologized and emotionally destructive. To establish the closeness of the relationship between the indicators "gender / type of behaviour in conflict" and "gender / type of aggression", statistical data processing was performed using the Spearman's rank correlation coefficient, Pearson's Chi-squared (χ^2) test and Cramér's V coefficient. The obtained empirical data allowed us to identify "risk groups" in the experimental sample and to outline the areas of focus for school psychologists to prevent the risks of school bullying.

Keywords: bullying, gender characteristics, adolescents, prevention of school violence.

References

1. Alekseeva L.S. Zhestokoe obrashchenie s det'mi: ego posledstviya i predotvrashchenie [Child abuse: its effects and prevention]. Moscow: Publ. National book center «September», 2016. 180 p.
2. Berdyshev I.S. Lekarstvo protiv nenavisti [Hate medicine]. *Pervoe sentyabrya [First of September]*, 2005, no. 18, p. 3.
3. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bulling kak ob'ekt issledovaniya i kul'turnyi fenomen [Bulling as an object of research and a cultural phenomenon]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2013. V. 10, no. 3, pp. 149—159.
4. Glazman O.L. Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov bullinga [Psychological features of the participants of the bullying] *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena [News of the Russian State A.I. Herzen Pedagogical University]*, 2009, no. 105, pp. 159—165.
5. Grebenkin E.V. Profilaktika agressii i nasiliya v shkole [Preventing aggression and violence at school]. Rostov-on-Don: Publ. Phoenix, 2013. 157 p.

For citation:

Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Gender Features of Bullying in Adolescence. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 4, pp. 62—71. doi: 10.17759/pse.2019240405 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Shalaginova Kseniya Sergeevna*, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia. E-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru
** *Kulikova Tatyana Ivanovna*, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia. E-mail: tativkul@gmail.com
*** *Zalygaeva Svetlana Alexandrovna*, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia. E-mail: cherkasova81@mail.ru

6. Krivtsova S.V. Bulling v shkole VS splochnennost' neravnodushnykh. Organizatsionnaya kul'tura OU dlya resheniya problem distsipliny i protivostoyaniya nasiliyu [Bullying at school VS cohesion caring. Organizational culture of OU for solving problems of discipline and opposition to violence]. Moscow: Publ. Norma, 2011. 95 p.
7. Krivtsova S.V., Shapkina A.N., Belevich A.A. Bulling v shkolakh mira: Avstriya, Germaniya, Rossiya [Bullying in world schools: Austria, Germany, Russia]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, no. 3 (73), pp. 97—119.
8. Kutuzova D.A. Travlya v shkole: chto eto takoe i chto mozjno s etim delat' [Harassment at school: what is it and what can you do about it]. *Psikhologiya i shkola* [Psychology and school], 2006, no. 4, pp. 54—72.
9. Kutuzova D.A. Travlya v shkole. Mify i real'nost'. [Elektronnyi resurs]. [Bullying at school. Myths and Reality], 2011. Available at: <http://medportal.ru/budzdorova/child/625/> (Accessed: 20.03.2019).
10. Lein D. Shkol'naya travlya (bullying). Detskayai i podrostkovaya psikhoterapiya [School baiting (bullying). Child and adolescent psychotherapy]. Lein D., Miller A. (eds.). Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2001, pp. 240—274.
11. Petrosyants V.A. Psikhologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noi srede [Elektronnyi resurs]. [Psychological characteristics of high school students, participants of bullying in the educational environment]. *Emissiya. Elektronnyi i nauchnyi zhurnal* [Emission. Electronic Scientific Journal], 2010. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (Accessed: 19.02.2019).
12. Sobkin V.S., Markina O.S. Vliyanie opyta perezhivaniia «shkol'noi travli» na ponimanie podrostkami fil'ma «Chuchelo» [Influence of the experience of “school bullying” on the teenagers' understanding of the film “Effigy”]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education], 2009, no. 1, pp. 48—57.
13. Sobkin V.S., Smyslova M.M. Bulling v stenakh shkoly: vliyanie sotsiokul'turnogo konteksta (po materialam krosskul'turnogo issledovaniya) [Bullying at school: the impact of sociocultural context (based on crosscultural research)]. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014. Vol. 5, no. 2, pp. 71—86. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Tarasova C.U., Osnitsky A.K., Enikolopov S.N. The organizational model of psychosocial support of substitute families [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 102—116 doi: 10.17759/psyedu.2016080411. (In Russ., abstr. in Engl.)
15. Arora C.M. J. Measuring bullying with the «Life in School» checklist. *Pastoral Care in Education*, 1994, no. 12, pp. 11—15.
16. Olweus D. Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington: Publ. Hemisphere Publishing Corporation, 1978.
17. Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school. Disruptive behaviours in schools. In H. Gault (ed.). New York: Publ. Wiley, 1984, pp. 57—76.
18. Olweus D., Catalano R., Jungert J., Slee P., Smith P.K. The nature of school bullying: a crossnational perspective. London, UK: Publ. Routledge, 1999, pp. 141—145.
19. Roffey S. Addressing bully in schools: organizational factors from policy to practice. *Educational and Child Psychology*, 2000, no. 17 (1), pp. 6—19.
20. Schäfer M. Gruppenzwang als Ursache für Bullying? *Report Psychologie*, 1998, pp. 914—927.